

Оглавление

Введение	5
«Капитал» Маркса — ключ к интриге мира	14
Жаль, что Че Гевару не пристрелили раньше Очерк о неразборчивых марксистах.....	48
Как поссорились Витте и Столыпин	72
Русские промышленники: дело, процветающее и сегодня	106
Был ли Великий строй?.....	133
Рузельт и Кейнс: государство, спасающее деньги	161
Людвиг Эрхард: благосостояние для всех и цена компромиссов	190
Милтон Фридман: как рождаются и растут деньги.....	218
Как дочь бакалейщика спасла королевство.....	249
Нельзя ограбить неимущего Очерк о первоначальном накоплении	286
Азиатские мотивы российской драмы	310
Так где же деньги?	336

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

Введение

Англичане говорят, что время — деньги, а русские, что жизнь — копейка, как верно подметил поэт Вяземский еще в начале XIX века. Большой был остроумец. Но за этим его хлестким афоризмом — две разные системы ценностей: англичане и минутой дорожат, они богатство приумножают, а русским до денег вроде и дела нет, они даже не знают, что стоит их жизнь.

За последние 30 лет, однако, русские вполне оценили важность денег для жизни. А вот как их «делать», понимания пока нет. «Россия должна стать снова передовой страной, россияне заслужили достаток и достойную жизнь», — твердят все подряд, но на этой нехитрой мысли общее согласие и кончается. Дальше — агрессивные споры до остерьенения. Государственники клянут рыночников, либералы — патриотов, спорщики клеймят друг друга ярлыками, размахивают надерганными цитатами, обрывками знаний. Правда, в одном они сходятся — все плохо!

Особенно горюют «мыслящие и образованные». С утра встанут и давай строчить во всех ресурсах, что жить невыносимо, а власти все погубили. А еще и народ винят — здрасте, приехали! Только попробуй сказать, что вообще-то мы движемся вперед, хоть и медленно, — стаей накинутся, назовут недоумком, хотя это же так естественно — каждый хочет гордиться своей страной. Нормальный человек из споров ничего не в состоянии вынести, чувствует только, что разговоры о политике достали.

Молодежь этой болтовни чурается, ей бы денег заработать... Но где путь к деньгам, никто не объясняет. В райцентрах европейской части страны мечта 20-летних девчонок — работа в сорбесе, 30-летние парни протирают штаны в военкоматах. В Бурятии и на Камчатке их сверстники, купив иномарку, заняты извозом туристов в сезон, ловят рыбу и валят медведей, продавая этим же туристам «добычу» и шкуры. Ребят оставили выживать. Без социальных лифтов и честной информации. Они не видят перспектив, у них нет «американской мечты».

Спорщики сказать этим ребятам ничего не могут, раз сами не в силах договориться. Только удивляются, глядя на молодых. Чего те вдруг принимаются поминать добрым словом Сталина? Ведь и не знают толком за что, лишь наслышаны от дедов, что уж при нем-то страна была великая. А то напяливают майки с портретами Гевары и даже Мао Цзэдуна, не ведая, за что произвели их в кумиры, просто нравится невнятно-бунтарская романтика. Что сделал Че Гевара, помимо того, что помог братьям Кастро искалечить Кубу? Нет ответа... Ребенок нынешних 20-летних спросит лет через пять-десять: «Кто такой дедушка Ленин?» — интересно даже, что родители скажут. Пробормочут что-то вроде: «Тот, кто устроил революцию, чтобы не было богатых». Но едва ли ответят, богатство — это хорошо или плохо. Видят, что государство постоянно что-то делит, при этом им самим мало что достается, и все. Живут, как и родители, будто на ощупь, не понимая, какой хотели бы видеть страну.

Общество, лишенное согласия и общих целей, — это уже диагноз! Люди не знают, откуда берутся деньги, и не понимают, почему простой достаток — вечная битва в одиночку.

Так почему же? Потому, что Россия — отсталая страна. Нам не нравится, что сегодня народ беден, но разве было по-другому? Моя свекровь из деревни на Орловщине повторяла: «Разуй глаза, мы так всегда жили, и хорошо жили». И это правда. Принципиально лучше, чем сегодня, мы не жили. Ни при Николае II,

ни при большевиках, ни при Сталине, Хрущеве, Брежневе, Горбачеве или Ельцине.

Можно верить дедам, что еще недавно Россия была первой по объему ВВП в мире — но так было лишь в сводках Госплана. Или что было изобилие — так оно было по талонам и трудодням. Можно считать, что вместо великой страны теперь у нас капитализм с нечеловеческим лицом — так у нас по крайней мере теперь есть частная собственность и нет рабского труда! А отсталость страны как была, так и осталась. Поэтому споры о том, как сделать Россию «снова» передовой, бессмысленны. Ее можно сделать просто развитой.

Причин отсталости России, как водится, три, и они давно сплелись в клубок.

Вечный поиск особого пути

В общественной науке в середине XX века, когда мир озабочился проблемой отсталости бывших колоний, появилось понятие «догоняющее развитие». Россия же принялась догонять передовые страны много раньше — еще Петр I прорубал окно в Европу. Все правители после него тоже пытались догнать страны по обе стороны Северной Атлантики, и получалось, прямо скажем, не очень... Потому что опыт тех самых передовых стран Атлантики считался непригодным для России. Из него выбирали только то, что нравилось, — «тут читаем, тут не читаем», тут меняем, тут не меняем.

Сначала хотелось сохранить самодержавие и помещичье хозяйство, хотя, как и в передовых странах, у нас уже полным ходом шла промышленная революция. Она была тоже догоняющая, но достаточно мощная. В стране складывалась полноценная независимая экономика, которую смела диктатура пролетариата. В итоге Stalin принял за индустриализацию по второму заходу.

Следующие правители — Хрущев и Брежnev — были уверены, что производителем и распределителем может быть лишь государство. Оно раздавало всем по 90–150 рублей в месяц, ожидая, что каждый будет трудиться на совесть. Странная уверенность. Человек — рациональное ленивое животное, и ради какой-то совести трудиться ему совершенно несвойственно. Он работает только по двум причинам: ради денег или под страхом смерти в лагерном бараке. Лагеря отменили, денег не предложили — он и не трудился.

Догонять пытались. Деньги делить «по справедливости» — пытались постоянно. А сказать людям честно, что, прежде чем делить, надо научиться производить, не пытались. Будто деньги на деревьях растут. «Передовая» страна не могла самостоительно даже колготки для наших матерей делать. Колготки покупали у заграницы, расплачиваясь за них нефтью, — уму непостижимо. Прилавки пустели, сводить концы с концами с каждым годом становилось все труднее.

На рубеже 1980–1990-х годов Великий строй с его плановой экономикой рухнул. Не потому, что его развалил какой-то Горбачев, а потому, что миллионы вышли на площади в страхе, что завтра будет нечем кормить детей.

Появился Ельцин. Рынок, свободные цены, приватизация, спешка: хоть начерно, но запустить развитие, иначе голод... И спасибо, что запустили. Правда, забыли про законы, не создали сразу все механизмы этого рынка. Народ, пребывая в иллюзии, что деньги растут на деревьях, возроптал: деревья, мол, достались только шустрым. Они и правда только им достались, пока остальные чухались. От ропота обделенных и от того, что шустрых не научили делиться, общество стало крениться набок.

Окрестив шустрых мерзким словом «олигарх», в нулевых им шаг за шагом принялись перекрывать кислород, раскулачивая строптивых и даже послушных — по необходимости. Государство снова решило, что только ему по силам осчастливить народ.

Однако не только наше государство считает, что оно знает лучше самих граждан, что им нужно. У государства вообще есть такая склонность.

В результате сложился тот самый капитализм с нечеловеческим лицом, который мало кому нравится. Он не дает людям возможности заработать, ему не под силу догнать передовые страны. Но государство этого не признает, все пыжится и догоняет. При этом опыт тех, кого догоняют, опять, оказывается, нам не подходит! Круг замкнулся...

Внутренняя колонизация

Когда в 1950-х рухнул колониализм, обнаружилось, что в странах «третьего мира» общество распадается на современный и традиционный сектора. Современные слои стремились соединиться с миром империй, пусть даже и на вторых ролях, мечтая о модернизации. А рядом с современным сектором по-прежнему тихо пузырилось огромное традиционное болото, в котором никто ни о чем не мечтал, в нем можно было только выживать за счет опоры на касты, кланы, на старые порядки. Колониализм заблокировал извне формирование единого механизма развития стран «третьего мира», движок развития работал только в небольших анклавах, связанных пуповиной с империей. Пуповину разорвали, и наружу вылезла дуальность экономики — популярный термин в теориях развития.

Дуальность означает, что пространство бывшей колонии состоит из двух плохо сообщающихся сосудов. На то, чтобы тянуть всю страну вперед, мощности современного сектора хватило в мелких странах — от Сингапура до Южной Кореи. А в крупных, как Индия, Пакистан, Бразилия, модернизация захлебывается в инерции огромного традиционного сектора, в котором стереотипы, нормы, неписанные правила и привычные уклады жизни меняться не хотят.

Российская колонизация была внутренней. У нас калечили не какие-то заморские колонии, а собственную страну. Меньшая часть общества всегда грабила ресурсы другой, огромной его части. Это вранье, что между дворянами и их крепостными была патриархальная идиллия. Это было сожительство патрициев и рабов.

Потом возникла другая форма колонизации. Пара столиц и десяток крупных городов питались ресурсами нищей провинции. В одном «сосуде» сияли витрины изобилия, в другом сменяли друг друга голодоморы. Это большевистская и сталинская дуальность — снова между сосудами мало общего.

Возник новый разрыв двух противоположных реальностей. Один полюс — города, где на столе по праздникам осетрина и виноград, а на кухне в ходу рецепты из «Книги о вкусной и здоровой пище». Другой полюс — деревня, где работали за трудодни, где рождались сплошь рахитичные дети, где до середины 1960-х не было не только электричества, но даже и паспортов у граждан (!) страны. Иллюзия единства страны держалась на оболочке идеологии, которую вдалбливали старшим поколениям партийные профессора. Оболочка лопнула в 1990-х, и выяснилось, что в России на самом деле две страны!

Сегодня их по-прежнему две. Вопрос не в том, «есть ли жизнь за МКАДом». Она там есть. В традиционном секторе, в тысячах городов и городишек страны едят досыта, там есть мобильники, кока-кола и иномарки. Но оттуда по-прежнему не выберешься, там по-прежнему не заработаешь. Там нет грамотной рабочей силы, чтобы привлечь капитал современного сектора. Главная поддержка для людей — собственная среда, микросоциум.

С одной стороны — столица и крупные нефтяные или промышленные центры, с другой — Тамбов или Ржев, деревни, населенные пункты — слово-то какое! — Калмыкии или Алтая. В них все разное: технологии, ценность рубля, доступ к информации, понятия справедливости и закона. Тяжкий исторический

багаж, который надо изживать, но к его анализу еще никто не подступался.

Брак мышления, подлинная «российская драма»

Вечный поиск особого пути развития — мы, дескать, другие! Опыт всех успешных стран — и Европы, и Америки — высокомерно отвергался. Мы раз за разом самоуверенно заявляли: «Ваши законы нам не указ». А законы-то экономические едины для всех — американцев, европейцев и прочих. Так вот, эта книга про эти самые законы. Про то, как они сработали в разных местах, как разные неглупые люди их применяли и как разные страны сумели вылезти из своего ничтожества — каждая из своего — и разбогатеть. Книга именно про это.

В поисках «особого пути» мы ничего заветного найти не сумели, зато породили страшный брак мышления. Сбой в головах и «мыслящих-образованных», и апатичного, аполитичного молодняка. Ум русского человека не зацепился ни за одно из важнейших событий в экономике и культуре тех стран, которые хотелось догнать.

Уроки Великой депрессии, из которой Америка вышла с окрепшей экономикой, — неинтересно... Послевоенное возрождение Германии — ну так это немцам деньги с неба свалились, Америка раскошелилась. На самом деле американская помощь Германии была размером 1,5% годовых продаж нефти в России! Германия всего за 15 лет превратилась из страны, проигравшую войну всему миру, в одного из лидеров этого мира, а у нас все никакого «чуда».

Британия была страной замшелых аристократов, которые, как и Россия, жили памятью об имперском прошлом. Едва сводили концы с концами за счет поместий, пригодных только для праздных охот на несъедобных лис. За одно десятилетие

страна преобразилась в общество хватких лавочников и капиталистов, у нации пропало презрение к слову «выгода». И это прошло незаметно для нас.

Америка, Германия, Британия не с потолка брали свои рецепты возрождения. За ними стояла экономическая наука — не только Кейнс, Фридман, Самуэльсон и пара десятков других, но прежде всего Маркс. Его экономическое учение изменило мир. Только весь мир от него изменился в одну сторону, а Россия — в другую. Недоучка из Ульяновска взял из Маркса лишь идею диктатуры пролетариата, по сути начхав на все открытые Марксом законы. Ленину они были не нужны. А диктатура пролетариата нужна — он же революцию затеял. Если об этом задуматься, то будет что сказать, когда ваше чадо спросит: «Кто такой дедушка Ленин?» — вам, кому сегодня двадцать пять. Хотя бы ради этого стоит подумать о Марксе, о Ленине, о тех, чьи портреты многие так любят носить на майках.

На протяжении всего XX века в странах Северной Атлантики открывали новые законы развития, которые двигали их экономику вперед. А в России эти открытия объявлялись лжен наукой. Мысление нашего обывателя, который познает законы общества не из книжек, а из жизни, тоже оказалось заблокированным: он трудился либо принудительно, либо бесплатно — разница небольшая. Такая жизнь не побуждает думать, как создаются деньги. Это вопрос лабазника или промышленника, но никак не раба и не винтика в машине государства.

Лишь за последнюю четверть века, став наконец свободными, зато хлебнув рынка à la russe, люди шкурой поняли, что без денег — никуда, но объяснить, откуда они берутся в обществе, им никто не рвется. «Мыслящие», конечно, любят кивать на страны Атлантики, горюя, что у нас все не как у людей. Но объяснить нормальному человеку, каким непростым путем те нации нашли путь к собственному богатству, — это нет... Потому что по большей части сами толком не знают. «*Оторопь берет, когда люди вполне культурные — и даже весьма — трактуют*

злободневную тему, — писал Ортега-и-Гассет еще в 1930-х. — Словно заскорузлые крестьянские пальцы вылавливают со стола иголку. К политическим и социальным вопросам они приступают с таким набором допотопных понятий, какой годился в дело двести лет назад для смягчения трудностей в двести раз легче»¹.

Отсталость не преодолеть в одночасье, но за последние 27 лет мы прошли не такой малый путь. Уже распроверили вкус и денег, и свободы. Свободы стало несравненно больше, чем при всех прежних кормчих, — это факт. Одни горюют, что свобод мало и все они какие-то не такие, о которых мечталось. А для других, для традиционного сектора, свобода вообще скорее обузя: все надо самим, а навыков нет. Поэтому у нас свобод ровно столько, сколько способен принять наш традиционный сектор. Истощенный внутренней колонизацией, отрезанный от внешнего мира, цепляющийся за ценности, которые достались, а не выработаны самими людьми. Так мы с места не стронемся. Уже пришло время думать самостоятельно. Нет смысла передавать нашим детям искалеченное сознание наших родителей.

Только сначала надо понять, о чем же все-таки речь. Чем различаются пути разных стран. Мыслителем становиться не обязательно, достаточно стать грамотным потребителем уже накопленных знаний, чтобы знать, что выбираешь. Ведь не штаны выбираешь, а жизнь. Материальную, духовную, интеллектуальную.

В этой книге — очерки о самых ярких страницах развития тех стран, которые мы догоняли. О том, как создавались богатства в Европе, Америке и в России, как работали «у них» и «у нас» механизмы развития. У нас есть выбор, его надо только осмыслить. Тогда и люди из просто «народа» сложатся в единую нацию, и общий путь к деньгам откроется.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. — М.: АСТ, 2016. — С. 26.

«КАПИТАЛ» МАРКСА — КЛЮЧ К ИНТРИГЕ МИРА

Влияние Маркса на мир так велико, что его сравнивают с Христом, Буддой и Магометом. Он открыл систему объективных законов, по которым развивается общество. Галилей, Ньютона, Эйнштейн тоже открыли объективные законы и тем самым, как и Маркс, изменили мир. Однако Маркса сравнивают не с ними, а с основателями религий. Будто он создал не науку, а *веру*.

Маркс четверть века выстраивал свое экономическое учение, с 1867 года, когда вышел первый том его труда *Das Kapital*. В то время реальный капитал овладевал миром, рождая электричество, железные дороги, все более современные машины. Рушил сословную иерархию, деля общество на два класса — капиталистов и рабочих.

Вопрос, откуда взялся капитал и каким образом он так мощно, кардинально меняет жизнь людей, интересовал в то время всех обществоведов и экономистов. Но только Маркс объяснил и свел в единую систему законы, по которым развивалось новое тогда общество. Попросту говоря, он объяснил, «как все это устроено», помог миру познать себя. Поэтому и можно говорить, что *Das Kapital* не просто ученый труд, а веха материальной истории! Ведь мир, познавший механизмы собственного развития, — это уже совсем другой мир.

Все оперируют понятиями Маркса, совершенно не задумываясь об их авторстве. Если сегодняшнему человеку начать

объяснить, что же такое Маркс открыл, многие скажут: «Кто ж этого не знает!» — настолько все привыкли в обыденной жизни оперировать понятиями «капитал», «прибыль», «цена», «стоимость», «рента». Так мы привыкли к тому, что Земля крутится, но сложно сказать, как пошло бы развитие астрономии без Коперника и Галилея. То же самое и в экономике: со временем Маркса экономическая наука прошла огромный путь, возник целый ряд теорий, сравнимых по значимости с Марксовой, ученые достраивали учение Маркса, открывая законы, которые в его время, на заре капитализма, еще не проявились. Но ни одно из положений его учения не было оспорено, наоборот, все открытое Марксом стало данностью, и кажется, что это само собой разумеется и что так было всегда.

Однако, если бы Маркс только открыл законы капиталистического общества, было бы намного проще оценить его великий вклад. Мир двигался бы дальше с полным пониманием того, «как все устроено», ученые дополняли бы Марксову теорию объяснениями новых законов крепнущего капитала... Не было бы деления на марксистов и антимарксистов, не ставились бы дикие социальные эксперименты, связанные в умах людей именно с именем Маркса. Но все оказалось сложнее...

Мысль Маркса совершает необъяснимый кульбит. Он вдруг переворачивает все собственные утверждения с точностью до наоборот. Заявляет, что вся система, которая так слаженно движется по рельсам открытых им законов, почему-то должна неизбежно рухнуть!

Еще в 1848 году, задолго до труда *Das Kapital*, он написал политический памфлет «Манифест коммунистической партии», где утверждал, что система обречена. Потому что она построена на эксплуатации, с которой рабочие перестанут мириться. Они объединятся, отберут у капиталистов все средства производства, объяют их общенародной собственностью, и наступит гармония справедливости. А на самом деле понятие «эксплуатация» у Маркса весьма лукаво. Нет у него внятного объяснения,

почему в капиталистическом обществе труд рабочих по найму — это угнетение. Он просто в это верил! Его социальная доктрина насчет краха капитала построена исключительно на этой вере, которая оказалась сильнее, чем его же собственная безупречная логика философа и экономиста.

Объявив, что все рухнет, Маркс решил детально объяснить, почему иначе и быть не может: надо же показать весь механизм адской системы угнетения. Но сколько бы он ни твердил об ужасах капитализма, картина в *Das Kapital* складывается ровно обратная: развитие капиталистического общества противоречиво, как и любое развитие, но капитал вполне справляется с разрешением собственных противоречий, причем *именно при помощи открытых Марксом законов*. Сам Маркс этого видеть не хочет и, заглядывая в будущее, утверждает, что противоречия общества, построенного на капитале, неразрешимы. Все рухнет, и точка! Его социальная доктрина повисает в воздухе, под ней нет логических подпорок. Только все та же вера самого Маркса и его приятеля Энгельса.

С какой готовностью масса людей подхватила эту веру! Последователи Маркса, даже обучившись четырьмя томами *Das Kapital*, дружно отмахиваются от Марковых экономических законов и бубнят, что марксизм — это учение о диктатуре пролетариата.

У марксистов эта вера вызывает восторженные революционные судороги. У всех остальных — дрожь: им совсем не нравится идея, что общество, основанное на таких безупречно логичных законах, может рухнуть. Великие ученые, финансисты, политики — Кейнс и Фридман, Франклин Рузвельт, Людвиг Эрхард и Маргарет Тэтчер — считают марксизм исчадием ада. Помогают капиталу разрешать его противоречия, чтобы не допустить никакой пролетариат к диктатуре. Делают вид, что Маркс ничего не открыл, кроме банальностей, типа «а небо-то голубое». Однако от самих законов, открытых Марксом, не отмахиваются, наоборот, используют на полную катушку. Правда,

об авторе при этом умалчивают, вроде как законы миру сами по себе открылись. А Маркса поминают лишь в связи с его верой! Когда хотят припугнуть людей той диктатурой пролетариата, которая у Маркса вдруг высакивает как черт из шкатулки. Вот замутил Маркс, сам все открыл, и сам же все запутал.

Если отодвинуть в сторону его заклинания и вникнуть только в экономический механизм, который он разложил по полочкам, выстроится понимание общей системы, которая работает и в передовых странах Атлантики, и в новых развивающихся экономиках, и в России. *Das Kapital* самым детальным образом показал, откуда берутся деньги и как они рождают личное и общественное богатство.

На это иногда возражают, что сложные системы невозможно описать одной моделью. Ерунда! Надо просто уметь видеть общее для любой экономики и особенности каждой из стран. Не путать одно с другим. И кстати, именно Маркс научил человечество, как это делать...

Не так просто, как кажется

Реальная жизнь ошеломляет разнообразием... Кажется, что между производством удобрений, металлургическим комбинатом, банком и среднего размера супермаркетом нет ничего общего, надо отдельно изучать и то, и другое, и третье. Надо, если вы хотите управлять этими разными производствами. А для того, чтобы понять, как устроена экономика, надо лишь увидеть, *что общего между ними*.

Все понимают, что такое инвестиции, то есть капитал. Что такое себестоимость, доход. Хоть на большом производстве, хоть в мастерской — один и тот же бухгалтерский учет. Если бы все производства в сути своей были бы разными, то как можно было бы судить в бухгалтерских книгах о прибыли и убытках по одним и тем же правилам? Это возможно лишь потому,

что в основе своей все производства одинаковы. Это капитал в его трех формах — производительный, торговый и банковский. Это и есть основа экономики Германии, Великобритании, США, хотя конкретика, *реалии* жизни в этих странах сильно различаются.

Конкретика всегда интереснее абстрактных рассуждений. Поэтому третий том *Das Kapital* читать не скучно. В нем Маркс объясняет множество знакомых нам явлений современной жизни. Тут и акционерные общества, и биржи, и монополии, и технический прогресс... Тут и кризисы, и превращение национального капитала в международный. Все живенько, близко к телу, интересно, что будет дальше. Местами даже похоже на триллер. Не триллер, скажете? Тогда объясните-ка, почему самая прибыльная отрасль у нас нефтянка? Какие такие законы в ней действуют, что производить нефть выгоднее всего?

Человек, не ведающий о труде *Das Kapital*, похож на автолюбителя-чайника. Вроде знает, что машина едет туда, куда руль повернешь, иногда даже и масло поменять может, но как разобрать и починить двигатель — это нет. А вот тот, кто понял законы и взаимосвязи, открытые Марксом, — уже инструктор или даже конструктор авто. Этот понимает, на что способна машина, может генерить новые идеи, как ее усовершенствовать. На протяжении сотни с лишним лет автомобиль непрерывно менялся — новые body design возникают каждые несколько лет, усложняются приборы, ручную коробку передач сменяет автомат, но это все тот же автомобиль. Его сердце — двигатель внутреннего горения, разновидность теплового двигателя.

Тянет сказать, что сегодня все по-другому, а изменилось-то не многое. При Марксе не было самолетов, а сейчас нет воздушных шаров. Но сила тяготения была и есть. И капитал, который тянет вперед общество, если оно не сопротивляется его законам, тоже никуда не делся. Автомобиль может превратиться в самолет, если приделать к нему крылья, или в ракету, если использовать другой тип теплового двигателя. Но основа-то одна — тепловой

двигатель, который толкает вперед хоть автомобиль, хоть самолет, хоть ракету.

И конструкцию автомобиля, и его двигатель Маркс разложил по винтикам. Уже в первом томе *Das Kapital*, где про «товар — деньги — товар»... Тут, правда, студентов начинало клонить в сон: зерно меняется на сукно, холсты на сюртуки — какое отношение это имеет к современной жизни? И уже не поверить, что к третьему тому все сложится в триллер. Уж больно медленно, по шагам Маркс складывает из этих абстрактных картинок двигатель общественного устройства, как машинку из кубиков Lego. Объясняет, что в основе двигателя всегда лежит человеческий труд, не важно, ручной, интеллектуальный или управленческий. На это — если попросту — можно сказать: «Постойте, а как же машины, оборудование?» Ясно, что без труда они мертвы и ничего сами не произведут, но ведь и труд без машин тоже ничего не произведет. Это если попросту. А Маркс терпеливо объясняет, что любой станок, хоть сложный, хоть простой, даже кирка для того, чтобы руды накопать, — это плоды прошлого труда. И вся интрига мира на самом общем уровне сводится к тому, как именно труд сегодняшний соединяется с трудом прошлым и почему в одних странах это получается более эффективно, чем в других.

Например, в Норвегии ВВП на душу населения — 97 тысяч долларов в год. В каком-то Люксембурге, где и производят-то неизвестно что, еще выше. В Штатах — 60 тысяч на нос, в Германии — 42 тысячи. В России — чуть больше девяти. Россияне живут сегодня лучше, конечно, чем лет 30 назад, но почему они настолько беднее норвежцев или немцев? Почему в России так медленно идет технический и технологический процесс, а от слова «модернизация» уже всех воротит: все о ней говорят, но никто не видел ее плодов. Почитаете Маркса, и становятся ясны причины отсталости России, хотя о ней Маркс не сказал ни слова.

Всех, кто постарше, в институтах от марксизма тошило. Понять, как вера уживается с законами, из которых она

не вытекает, было невозможно, приходилось просто зубрить. Мешанина из законов и заклинаний о благе диктатуры пролетариата настолько ничего не объясняла, что к концу XX века преподавание политэкономии отменили за ненадобностью. Отменили-то правильно, но попутно сдали в утиль и экономическое учение Маркса. Лишив тем самым современных людей возможности понять устройство экономического механизма. Вот все и рассуждают о прибыли, цене, рентабельности, рынке и прочих экономических материях «на пальцах». А по каким законам рынок с его прибылью, ценами и всеми остальными атрибутами движет общество? И куда движет?

Сознание современного человека надо заново подружить с трудом *Das Kapital* Маркса, ведь открытые им законы действуют и сегодня, объясняя все устройство общественного механизма. Что «у нас», что «у них», в передовых странах Атлантики. Не поняв его, сложно рассуждать и о кейнсианстве, и о том, чем монетаризм Фридмана отличается от общества «благосостояния для всех», которое в Германии строил Людвиг Эрхард. Не поставить на твердую основу споры о переустройстве России, перестав размахивать ярлыками — «рыночник», «государственник», «социальное партнерство» и «эксплуатация», которые уже набили оскомину.

Самый ключевой закон

Еще до Маркса люди своими глазами видели, как растут богатства, но объясняли этот рост по-разному. Сходились в одном — все капиталисты захвачены конкуренцией, это лежит на поверхности. Экономисты, писал Маркс, переводят «*своебразные представления капиталистов, захваченных конкуренцией, на якобы более теоретический... язык*», их утешает, что прибыль общества растет, «*но и это утешение покоилось на одних общих местах... Как в конкуренции, а следовательно,*

и в сознании ее агентов все выражается в искаженном виде; точно так же искаженно выражается в конкуренции и в сознании ее агентов и этот закон...»²

Этот закон — закон тенденции нормы прибыли к понижению. Можно сказать, ключевой закон. Норма прибыли понижается, а ее объем, или масса, растет. Этот парадокс не объяснить, скользя взгядом по поверхности и видя только конкуренцию. А в этом ключ к пониманию развития капиталом общества.

Маркс объяснил, что капитал делится на постоянный и переменный. Постоянный капитал — стоимость машин. Переменный — стоимость рабочей силы. Такие названия он дал этим двум частям капитала не случайно.

Использование машин продиктовано технологией, они участвуют в производстве целиком, и стоимость этой части капитала в процессе производства не растет, а, наоборот, уменьшается — ведь идет износ. Отсюда и слово «постоянный». К этой части капитала надо добавить и вторую — которая позволяет капиталисту купить рабочую силу. И вот вопрос о том, сколько она стоит, до Маркса всегда был камнем преткновения.

Стоит она ровно столько, сколько нужно рабочему, чтобы прожить, — заплатить за еду, жилье, одежду, прокормить и выучить детей: ведь будущему капиталу потребуется рабочая сила следующего поколения. Но ведь и есть, и одеваться можно по-разному, жить можно в тесноте и без удобств, а можно и в комфорте. Маркс не вычисляет, сколько нужно денег рабочему «объективно», потому что такого понятия нет и вычисления тут не помогут. Но Маркс объясняет принцип: как стоимость, которую производит труд рабочего, делится между ним и капиталистом.

Допустим (условно), что среднему рабочему на прокорм семьи нужно 1000 долларов в месяц, это и будет стоимость рабочей силы. Попросту — зарплата рабочего. В месяце 4,5 недели

² Маркс К. Капитал. — М.: Госполитиздат, 1955. — Т. 3. — С. 246.

по 40 часов, итого — 180 рабочих часов. Если за один час рабочий способен произвести продукт стоимостью 10 долларов, то за месяц он произведет стоимость 1800 долларов. Свою тысячу зарплаты он создаст за 100 часов, значит, остальные 80 он будет бесплатно трудиться на капиталиста.

Все это время рабочий будет создавать для него прибавочную стоимость. То есть он создаст стоимость большего объема, чем та часть капитала, которую на него потратили. Потому Маркс и называет эту часть капитала *переменной*, что в процессе производства она — в отличие от капитала, вложенного в станки, — растет. Получается, что без рабочей силы не будет роста капитала. А если среднему рабочему на прокорм надо не 1000 долларов? Мы же взяли эту цифру с потолка, подогнали, короче, цифры.

Так в том-то и дело, что если рабочий в час способен произвести только на 5 или 7 долларов, то и общественная стоимость рабочей силы будет ниже, чем тысяча: капиталист же в любом случае должен свое отмусолить, иначе зачем ему рабочие, если у него в итоге только бульон от яиц. А если в час рабочий производит стоимость в 15 или 20 долларов, то стоимость рабочей силы может подняться до двух или двух с половиной тысяч в месяц. Прямой корреляции тут нет, потому что в конкретной жизни в процесс вмешиваются и переговоры рабочих с капиталистами, и политика. Рабочий может бесплатно трудиться на капиталиста не 80, а только 40 часов в месяц или, наоборот, все 100...

Стоимость рабочей силы определяется не вычислениями, а отношениями слоев и классов в обществе, их торговлей друг с другом, их взаимными компромиссами. Но если рабочий производит только 5 долларов в час, то, скорее всего, в таком обществе нормой будет считаться, если он спит на тюфяке. А когда он производит — условно — 20 долларов в час, да еще и капиталиста заставляет отмусоливать себе не 800, а только 700 или 650 долларов от каждого отработанного месяца, то нормой

становятся две машины у собственного дома и отпуск у моря. Кажется, что это только торговля, переговоры между двумя классами, но и это не так просто, как кажется. Прежде всего стоимость товара «рабочая сила» определяется производительностью ее труда. Она меняется, растет в каждой стране по-разному, дает каждой стороне — капиталисту и рабочему — разные рычаги торговли друг с другом. Маркс утверждал, что противоречие между капиталом и трудом неразрешимо, а на самом деле оно решается на каждом этапе и в каждой стране. Но общий-то принцип не меняется. Если это понять, то становится ясно, почему в Норвегии ВВП на душу населения выше, чем в США, а в Германии — выше, чем в России: переменный капитал в каждой из этих стран работает с разной производительностью.

Тянет сказать — на пальцах-то, — что производительность растет под давлением конкуренции. Правильный, но неубедительный ответ. Как конкретно конкуренция помогает производительности расти? Вот тут на авансцену выходит закон тенденции нормы прибыли к понижению.

В нашем условном примере один рабочий за месяц производил 1800 долларов, из которых 800 долларов становились прибылью капиталиста. Это в среднем, в обществе. Но если за этот месяц в одной отрасли постоянного капитала расходуется 4000 долларов, а во второй — 8000 долларов, то в первой отрасли норма прибыли будет 20%, а во второй только 10%. В отраслях, где доля живого труда выше, выше прибыль. Ведь там выше доля той части труда, которую капиталист не оплатил.

В отрасли № 1 — швейной, к примеру, — требуется меньше станков и больше рабочих, чем в отрасли № 2 — производство стиральных машин. Значит, в швейной отрасли будет выше норма прибыли, это вполне согласуется с жизненными наблюдениями. Трудоемкие отрасли более рентабельны, чем капиталоемкие. Видя это, капитал стремится именно в отрасль № 1, в ней растет конкуренция. Думая, как выжить, капиталист решает

применять новое оборудование, производит новые ткани, например полиэстр вместо шелка, он дешевле. Оборудование, правда, придется покупать более дорогое, зато затраты на производство одного платья понизятся. Вроде бы норма прибыли должна от этого вырасти? А она-то как раз снизится, потому что оборудование подорожало, значит, отношение переменного капитала к постоянному снизилось. Зато выросли и абсолютный масштаб производства, и объем общей прибыли. А капиталист попутно модернизировал швейную отрасль № 1, да еще и себестоимость единицы товара понизилась, что мы тоже знаем из жизни — синтетическая одежда все больше теснит дорогие вещицами из шелка и шерсти.

В отрасли № 1 изменилось *строение капитала*, то есть соотношение постоянной (оборудования) и переменной (рабочей силы) частей. «*Стоимостное строение капитала, поскольку оно определяется его техническим строением и отражает это последнее, мы называем органическим строением капитала... Капиталы, которые содержат больший процент постоянного и, следовательно, меньший процент переменного капитала, чем средний общественный капитал, мы называем капиталами высокого строения...»³*

Теперь уже в отрасли № 2 строение капитала ниже, а норма прибыли выше, хотя вчера было наоборот. Норма прибыли во второй отрасли выше? Все повалили в нее!

В отрасли № 2 начинаются те же процессы... Капиталы конкурируют, изобретают новые прибамбасы для стиральных машин. В этой отрасли растет органическое строение капитала, то есть *«стоимостное строение, которое определяется техническим»*⁴. Она становится более капиталоемкой, норма прибыли в ней снижается, а объем производства и прибыли растут. Пятьдесят лет назад стиральные машины были у единиц, сейчас они в каждой семье.

³ Маркс К. Капитал. — М.: Госполитиздат, 1950. — Т. 3. — С. 158.

⁴ Там же.

Тут выясняется, что есть еще третья, пятая, двенадцатая отрасли, в которых низкое строение капитала помогает каким-то недоумкам получать более высокую норму прибыли. Немедленно туда! Снова изобретать, совершенствовать... И душить, душить недоумков! Вот, собственно, откуда и берутся деньги. Все просто.

«Низкое строение капитала» — это когда отношение капитала, затраченного на покупку рабочей силы, к капиталу, вовлекшемуся в оборудование, ниже, чем в среднем в обществе. Капитал стремится в такие, менее капиталоемкие отрасли и тут же поднимает их капиталоемкость! Казалось бы, против собственных интересов модернизирует сначала одну отрасль, потом другую, третью... Каждый согласится, что лет 12 назад плазменные телевизоры стоили 300–350 тысяч рублей, а сегодня 100, а то и 60 тысяч, а это объяснить можно только снижением нормы прибыли и себестоимости. А себестоимость снижается за счет более современного оборудования, сокращения расходов на переменный капитал и, значит, опять-таки за счет снижения нормы прибыли. Вот так парадоксально все и крутится!

Тогда как же сфера ИТ, где пацаны в трениках из всего постоянного капитала одним компом обходятся? Там самая высокая конкуренция, все туда рвутся, чтобы делать деньги, обходясь только трениками и компом. Но стоило Гейтсу, а потом Джобсу зайти в эту отрасль с огромным капиталом, как лицо отрасли изменилось. Огромный капитал позволил создать и новую операционку, и новые приложения. И пацаны, хоть нередко и заключают огромные деньги, остались на подтанцовке, конкурируя только за продажу «Майкрософту» и «Яблоку» отдельных примочек.

А как же нефтянка, где капиталоемкость колossalная — и буровые, и нефтепроводы, — а норма прибыли тем не менее сумасшедшая? Так у нас же триллер, забыли?

Труд — отец богатства, а природа — его мать...

Кстати, а почему все не рвутся в сельское хозяйство? Трудоемкую и относительно низкокапиталоемкую отрасль? «На пальцах» ответ прост — нет дорог, хранилищ, сетей сбыта. Ну хорошо, это у нас. А в других, передовых странах, где все это есть? Да потому, что земля конечна! Можно сделать неограниченное количество станков, изобрести массу новых приложений для компов, никто не мешает. А землю из-под земли не достать, пардон за каламбур. Ее можно купить, конечно, но стоит она о-го-го сколько, а это тот же капитал. И за видимостью, что агробизнес — отрасль исключительно трудоемкая, скрыта земля. Именно она при сравнительно скромных остальных вложениях дает возможность труду создавать огромную стоимость.

Маркс объясняет, что собственники земли могут стричь с нее купоны — земельную ренту. Если они сдают землю в аренду, рента — это арендная плата. Если у них свое производство, рента — это та дополнительная стоимость, которую к труду добавляет земля. Природа.

В нефтянке то же самое. Месторождений мало. Нефтяники получают ренту с владения природным богатством. Окупаются и буровые, и нефтепроводы, и еще остается огромная прибыль. То же с алюминием, кобальтом, золотом. Владение месторождением — это естественная монополия, и именно Маркс показал, как вычленить в прибыли созданное трудом и дарованное природой.

Конечно, нефтяники конкурируют между собой. Если их месторождения сопоставимы, то... Снова в игру вступает ключевой закон тенденции нормы прибыли к понижению. Идет внедрение более передовых и капиталоемких способов добычи, которые, с одной стороны, понижают норму прибыли, а с другой — позволяют использовать месторождение намного дольше и добывать нефть дешевле. Так что и в отраслях с естественными монополиями ключевой закон работает.

Но главное тут — ограниченность природного ресурса. Кто сумел захватить, купить лучшие месторождения — тот на коне. Просто? Да уж, несложно. Когда Маркс вам все объяснил.

Как же насчет конкуренции?

Технический прогресс обходит Россию стороной. В экономике всех передовых стран постоянно идет модернизация — под действием закона понижения нормы прибыли. У нас же она никак не желает начаться: с конкуренцией напряженка.

Иностранный капитал мы не очень-то любим. В «стратегических отраслях» у нас в основном государственные компании, которым конкурировать незачем и не с кем. Но главное — Маркс объяснил и это — для конкуренции и свободного «перелива капитала между отраслями» (его выражение) нужна мобильность факторов производства.

Свобода перемещения рабочей силы, капитала, товаров и услуг — сегодня в Евросоюзе их называют «четырьмя свободами» — ключевое понятие развития. Свобода капитала позволяет ему вкладываться туда, где ниже затраты или где выше прибыль. Свобода рабочей силы дает ей возможность переезжать с места на место, работать там, где на нее выше спрос и зарплата. И товарам, и услугам тоже нужна мобильность, чтобы оказаться там, где они востребованы.

С четырьмя свободами у нас однозначно беда. Попробуйте вместо Ярославля, где вы производите, к примеру, шины, открыть такое же производство, скажем, в Кургане, потому что это дешевле, чем отгружать в Курган шины из Ярославля. Для начала надо закупить новое оборудование за границей — а это налоги и таможенные сборы. В Кургане надо с нуля научить рабочих на нем работать, по второму разу купить чиновников, налоговую и пожарников. Подумаешь и скажешь: «Ну его к лешему».

Громадная территория и неразвитая инфраструктура — железные дороги и автотрассы — мешают эффективному перемещению товаров, сырья и оборудования к местам спроса. Масса россиян не видит перспектив заработка потому, что туда, где они живут, не идет капитал, а сами они немобильны. Дай бог, если пара миллионов из 80 млн активного населения поменяют место жительства ради новой работы, чтобы найти деньги.

Все это знают, только что из того? Иностранный капитал пускать «куда ему вздумается» — опасно. Приватизировать землю и продать ее капиталу, чтобы он на ней развивался, — ни-ни. Недра, месторождения? Только в горах Забайкалья зарыта вся таблица Менделеева, но подпустить к ней капитал, особенно иностранный, — упаси господь, это распродажа Родины. Инфраструктуру развивать — денег нет. Так их и нет, потому что государство сидит на своем богатстве, как собака на сене, у него самого нет денег, чтобы освоить что недра, что землю. Модернизация кончается, не начавшись. Оставаясь только в федеральных программах... Марксов закон тенденции нормы прибыли к понижению, который парадоксальным образом заставляет капитал увеличивать производство и объем прибыли, а значит, и ВВП на душу населения, требует конкуренции. А она работает тем полнее, чем выше мобильность всех факторов производства. Это, пожалуй, главное — если попросту, — что вытекает из этого закона для понимания нашего сегодняшнего устройства.

Банки и ростовщики

Вслед за промышленным капиталом, вслед за земельной и в целом природной рентой Маркс анализирует не менее пристально банки, разбирает по винтикам и эту форму капитала. Когда мы наблюдали, как внутри одной отрасли меняется строение капитала, мы видели конкуренцию. А вот между отраслями конкуренции нет, производство ботинок не конкурирует

с производством вертолетов. Точно так же, пишет Маркс, *не конкурируют* промышленники с банкирами. Между ними другие отношения — добровольная дележка.

Банковский капитал ничего не производит, он существует в виде денег, которые не превращаются в товар, попутно добавляя к нему новую стоимость. Банк всего лишь дает кредит промышленнику, а уж тот превращает эти деньги в капитал. На заемных деньгах его производство растет быстрее, чем если бы промышленник крутился только на собственном капитале.

Для банка же его деньги — капитал с самого начала, раз они приносят прибыль в виде процентов. Но банк ничего не производит, откуда проценты? Маркс объясняет: прибылью с банком делятся промышленник.

Все формы общественного капитала — торговый, банковский, промышленный — и сами развиваются, и друг другу дают такую же возможность. Эта рациональность развитого капитала отличает его от тех форм капитала, которые Маркс называл «допотопными», — торгового и ростовщического. Хотя на поверхности явлений кажется, что банкир — тот же ростовщик. А разница принципиальная...

Капитал в его примитивных формах — торгового и ростовщического — накапливался со Средневековья, незаметно меняя жизнь Европы. Торговый капитал немецких ганзейских городов — чего стоят одни Бременские ярмарки! — доставлял по торговым путям экзотические пряности, пряжу, золото и еще массу товаров. Рядом с ним — ростовщический капитал, который менялы-евреи, жившие в Европе еще с Рождества Христова, поставили к XV веку на широкую ногу... Людям всегда хотелось больше денег, они торговали, ссужали, искали прибыль где только можно. Но торговый и ростовщический капиталы существовали в системе совсем других отношений, докапиталистических.

Торговый капитал вез на рынок товары, которые были вне конкуренции, никаких аналогов в Европе местные

промышленники произвести не могли: мануфактур, фабрикантов мало, свободного труда еще нет — крестьяне по большей части еще привязаны к земле. Ростовщик не знал удержу в своем желании получить как можно больше. Его не заботила судьба должника. Он давал в долг расточительному вельможе, зная, что в случае чего заберет его драгоценности и экипаж. Давал и мелкому ремесленнику, зная, что, если тот разорится, он заберет за долги его мастерскую. И крестьянину давал, хоть тот мог быть обвешан податями и было ясно, что долг он вернуть не сможет. Так ростовщик заберет его клочок земли. Он всеяден в своей страсти урвать здесь и сейчас, а там хоть потоп и умри все живое.

Не было простора для конкуренции, пока одна за другой не стали происходить буржуазные революции в XVII—XVIII веках, а в середине XIX века не начались промышленные революции. Вот тут мир изменился кардинально, возник общественный капитал, который все свои формы — промышленный, торговый, денежный, то есть банковский, — заставил жить по единым законам. Как только сложились единые для всего общества пропорции нормы прибыли, стоимости рабочей силы — то есть рыночные цены на все товары, тут все допотопные формы капитала либо переродились, либо сгинули.

Банковский капитал — в отличие от ростовщика — всегда знает свое место в дележке денег заемщика, кем бы заемщик ни был — промышленником или обывателем, явившимся за ипотечным или потребительским кредитом. Его интерес не в том, чтобы побольше процентов содрать, а в том, чтобы побольше денег ссудить. И сегодня, и завтра, и через год. Чем меньшую часть прибыли он отнимет в виде процентов у промышленника, тем больше у того вырастет производство. Значит, заемщик сможет взять еще больше кредитов, снова расширить производство и снова взять больше кредитов. Он произведет больше товаров для покупателей, а те захотят немедленно все это купить и тоже побегут за кредитами.

Человеку всегда кажется, что проценты банков бесстыже высокие — берешь же чужие деньги, а отдавать надо собственные. У всех свеж в памяти кошмар, пережитый валютными ипотечниками в 2015 году. Люди звонили друзьям в ужасе: «Что делать?! Мне нечем платить ипотеку — рубли обесценились! Квартиру отбирают!» Перед банками стояли пикеты...

В передовых странах банки нянчат своих заемщиков, готовы мусолить их проблемы, давая отсрочки, растягивая сроки погашения кредитов. Им сто лет не нужно их имущество, взятое в залог, им надо вернуть свои деньги и снова дать их в долг — даже тому же неудачливому заемщику: они каждым клиентом дорожат. В России, где общественный капитал толком не сложился, сплошь и рядом встречаются банки-живодеры. Кредитуют всех подряд, не считая риски, просто задирая ставки процента. Принимают серые и левые документы. Случай из жизни: менеджер банка спрашивает клиента, который пришел за кредитом, сколько тот получает. Клиент говорит — 80 тысяч в месяц. А официально? Двадцать, остальное в конверте. И тут менеджер банка — не дядя с улицы! — просит клиента принести справку о зарплате, где были бы указаны именно 80 тысяч. Клиент, недолго думая, идет в бухгалтерию, где бухгалтерша — тоже недолго думая — выдает ему справку. Через полгода предприятие принимается резать серые зарплаты. Клиент не в силах платить кредит, и мало того, что банк отбирает у него купленную в кредит машину, на него еще заводят уголовное дело о мошенничестве за подлог документов.

Менеджер банка разве не понимал с самого начала, на что он толкает клиента? Не понимал, что серые деньги в конверте — штука такая, которая сегодня есть, а завтра может исчезнуть, и никто за это не в ответе? Понимал... Но ему было плевать — типичное поведение ростовщика. А клиенты разводят руками: «А что? Все так делают». Не предвидели и не могли предвидеть обвала рубля. Не понимают, что и серые конверты, и шаткость рубля им же и обернется боком.

Такие случаи кажутся массовыми, но это тоже видимость, банков-ростовщиков с каждым годом остается все меньше. Вымирают, как мамонты... Настоящие же банки и ведут себя рационально: дают кредиты только тем, кто точно сможет их вернуть. Кто брал кредит вчера и вернул его, тот сделает то же самое и завтра. Только так банковский капитал может сам расти. У него нет цели пустить должника по миру, залог — это лишь страховка на крайний случай, непрофильный актив для банка. Это не заработок, а лишняя головная боль.

Ставки российских банков кажутся бесстыдными, а это оборотная сторона неустойчивого положения заемщика. Мелкий бизнес зажат между поборами, бандитами и ментами. Сырьевые предприятия зависят от мировых цен на нефть, алюминий, сталь... У частных заемщиков зарплата неустойчивая. Все эти риски банки закладывают в величину процента. Для первоклассных заемщиков банк может накинуть 1% к той рыночной цене, по которой он сам брал деньги, а менее солидным — добавить и 6%, и 8%. В итоге могут получиться те самые 15%, которые так возмущают россиян. Вопреки представлениям обычного человека, что банки «жирут» больше остальных, на самом деле они довольствуются весьма скромной прибылью — той самой «маржой». Она и происходит-то от слова «маргинальный» — то есть крайний, самый малый.

Так что же, если копнуть, получается, что капиталисты и банкиры люди весьма справедливые? Промышленный капитал против воли движет вперед технический прогресс, хотя это обирается для него снижением нормы прибыли. Банковский капитал довольствуется умеренной маржой, чтобы поддерживать своих должников в здоровом состоянии.

Увидеть суть вещей за внешней оболочкой непросто. Если прибыли крупных компаний растут из года в год, трудно понять, как это при этом норма прибыли снижается. Если человек каждый день сталкивается со ставкой 14–15%, он считает, что банк бесстыдно наживается на людях.

Маркс изменил мир тем, что копал вглубь, вскрывая сущности, которых на поверхности не разглядеть. Все виды доходов капиталистов он разложил по полочкам, показав, что капиталисты с рабочими и друг с другом всегда рассчитываются на основе *эквивалентного обмена*.

Что это за зверь, Маркс объяснил еще в первом томе своего труда *Das Kapital*, и прямо скажем, это точно не триллер. Объяснение скучное, как анатомический атлас. Убедить человека вникнуть в него можно лишь в том случае, если тот поймет, зачем ему нужно знать такую «нутрянку». Лучше мы сперва до конца разберемся с тем, что живенько и близко к телу. С еще одним законом, о котором Маркс пишет именно в третьем томе, — *законом всеобщего накопления капитала*. Он и сегодня создает общественное богатство, и даже в повседневной жизни легко разглядеть, что действует он точно так же, как и во времена Маркса.

Накопление «несправедливости»

Всю прибыль, которую капиталист не считает нужным потратить на себя — а в здоровом предприятии это обычно не меньше половины ее объема, — он вкладывает снова в производство, потому что противостоять тенденции нормы прибыли к понижению он может только за счет роста масштабов производства. Объем ВВП каждой страны зависит от эффективности накопления капитала. Сравните: ВВП России — 1,4 трлн долларов, а ВВП только одного Нью-Йорка — 1,2 трлн.

На долю частного капитала в нашей стране приходится около 50% ВВП. Это одно из достижений нашего развития за последнюю четверть века. Но наш частный капитал — сравнительно небольшие и отсталые компании и банки. Ускоренно расти, накапливать капитал им крайне сложно. Наши банки кредит могут дать на 2–3 года, они сами некрупные и не могут ждать 5–7 лет, как банки, кредитующие промышленность в странах Атлантики.

А что такое — кредит на пару лет? Просто несерьезно. Ведь предприятие его берет, чтобы купить, смонтировать, запустить новое оборудование, произвести и успеть продать дополнительный объем товаров, а ему уже через год половину кредита нужно отдать. Нереально! Конечно, предприятия все равно набирают кредиты где только придется — наше русское «авось», перекрутимся, мол. На крайний случай всегда можно договориться с банком и отдать ему закредитованное предприятие за долги. Примерно как ростовщику. А зачем банку предприятие? А ни за чем, только для того, чтобы снова продать. С дисконтом. Возможно, даже тому же самому промышленнику. Все при делах, все при деньгах. Только это, сами понимаете, совершенно иная история, чем развитие экономики и накопление капитала.

Маркс объяснил, что действие всеобщего закона накопления капитала толкает капиталы на объединения в акционерные общества. Сегодня это главная форма существования капиталов, только и тут в России всё «по-особому». Акционерки делают только со своими. Чужака пустить? Так, может, он затем в дело и лезет, чтобы его потом изнутри отобрать. Корпоративные войны нам тоже уже знакомы — кстати, сами по себе враждебные поглощения предприятий легитимны во всем мире. Только ни в одной стране, кроме нашей, уголовка в такой борьбе акционеров — не инструмент, а у нас статья 159 УК — «Мошенничество» — стала самым ходовым способом отъема бизнеса одним акционером у другого.

Вообще по части делянки — будь то между акционерами или между промышленниками и банками — у нас такая же беда, как с конкуренцией и мобильностью факторов производства. Вечные скандалы, переходы бизнесов из одних рук в другие при весьма странных обстоятельствах портят инвестиционный климат в стране до отвратительности. Иностранный капитал это отпугивает не меньше, чем хлипкие законы о защите собственности и произвол государства.

Те, кому за сорок, наверняка помнят медиаимперию Владимира Гусинского. В ней осели деньги Газпрома, Таможенного комитета, бюджета Москвы. Банк главного акционера медиаимперии попросту не перечислял деньги туда, куда они должны были попасть, оформляя с этими госструктурами задним числом кредитные договоры. Может, это бы государство терпело еще долго, но медиаресурсы главного акционера взяли себе за правило кошмарить власть — главный акционер считал, что так он делает политику. И как только он добрался до самых сакральных персонажей, власть разом отобрала у него все активы. На поверхности — в конкретной действительности, как называл ее Маркс, — разгром свободной прессы и независимого телевидения. А если копнуть... — не кошмарь того, у кого ты стырил деньги, это добром не кончается.

Общественный капитал Атлантики постоянно накапливается, растет, а российский топчется на месте, вечно испытывает нехватку денег, да еще и воюет с кем-то постоянно, то и дело переходя из рук в руки... Как и в других странах — и сейчас, и во времена Маркса, — капитал в России во что бы то ни стало стремится к накоплению и ради этого готов пускаться во все тяжкие. Иногда ему это сходит с рук, иногда нет, и вместо капитала накапливаются только несправедливость и конфликты. Вот вам еще одна причина такой огромной разницы в росте ВВП между нашей страной и странами Атлантики.

Что ж получается, в странах Атлантики накопление капитала всегда происходит справедливо? Насчет «всегда» — не знаю, но в масштабах общества это именно так. Главная интрига Das Kapital в том, что Маркс описал вполне справедливое общество. Все товары обмениваются по стоимости, в том числе и товар рабочая сила. В масштабах общества никто никого не надувает: ни промышленники банкиров, ни те и другие — рабочих. Тогда почему, доказывая именно это, Маркс буквально на каждой странице повторяет, что это мерзкая эксплуатация? Несправедливость. Вроде бы сам высмеивает открытые им законы. Странно...